

И. ЛЕКОВ

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ФЛЕКТИВНОГО СТРОЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Вопрос о том, должны ли в будущей сравнительно-исторической грамматике славянских языков занять важное место и такие явления, которые со времени самостоятельного существования этих языков развиваются в них параллельно, еще не разрешен и поэтому его следует подвергнуть обсуждению. Известно, что по мнению некоторых исследователей в этих случаях уместнее ставить вопрос только о сопоставительном рассмотрении соответствующих фактов. Как бы то ни было, такие явления существуют и к тому же в самой важной составной части языка — грамматическом строе, где они обязаны своим возникновением или общим унаследованным тенденциям, действующим в некоторых из славянских языков независимо от их географической близости, или — в более сомнительных случаях — влиянию чуждых языковых систем. Несмотря на то, что подобные наблюдения не единичны, действительность в этом отношении как будто еще багаче, и возможности открыть новые черты, существенные для классификации славянских языков, еще весьма многообразны. Так, если посмотреть на современную грамматическую структуру славянских языков с типологической точки зрения и поискать в ней элементы другого, нефлексивного строя независимо от происхождения подобных явлений, то обнаружатся признаки известной пестроты, своеобразной неравномерной склонности к освоению таких структурных приемов, которые напоминают собой либо агглютинирующие, либо язолирующие языки¹.

Эти признаки, разумеется, могут быть использованы для построения новой синхронической классификационной схемы в отношении славянской языковой группы. Не подлежит сомнению при этом, что такое сопоставление не делает излишней генеалогическую классификацию, сохраняющую свое решающее значение при определении отношений между славянскими языками. Однако сопоставление это вскрывает тенденции, которые имеют как частное, так и общетеоретическое значение для современного описательного сравнения славянских языков и разбивают полностью старые теории о чистых морфологических типах и о строгой последовательности перехода из одного типа в другой или, наконец, утверждения о преимуществе флексивного языкового типа, который, по ошибочному мнению некоторых, якобы наиболее совершенен и представляет последнюю fazу развития.

1 Оправдание подобной попытки можно обнаружить и во «Введении в языкознание» А. С. Чикобава, где типологическая классификация расценивается следующим образом: «Следовательно, морфологическая классификация при всех ее недостатках не лишена определенного значения как для разработки описательной грамматики, так и в плане изучения исторической грамматики соответствующего языка» (ч. I, 2-е изд., М., 1953, стр. 190).

Немногочисленные старые, несистематизированные и разбросанные, но тем не менее полезные сведения о проявлении в грамматическом строе **многочленных**, нефлексивного типа, а также и новые наблюдения дают материал для ответа на ряд вопросов методологического и фактического характера, связанных как с историей, так и с современным состоянием национальных славянских языков.

В настоящей статье будет сделана попытка охарактеризовать наиболее типичные из этих явлений и показать, какие из славянских языков затронуты ими в большей степени, какие новые взаимоотношения намечаются здесь и в какой связи находятся данные факты с известными до сих пор классификационными критериями. Этим будет положено начало исчерпывающей разработке проблемы в указанном направлении.

Как известно, чешский языковед В. Скаличка допускает, что индоевропейский язык-основа обнаруживал черты и агглютинации, и флексии, но развивался в сторону флексивного типа¹. В области склонения это отмечается особенно к восточной половине индоевропейских языков, к которой принадлежат и славянские языки. Согласно мнению Скалички, в них зарождается теперь новая тенденция к агглютинации, а это значит, что в данной части индоевропейских языков можно указать как старые, так и новые черты агглютинации. Из числа старых черт назовем такие, как группировка склонений в зависимости от конечного звука основы, процесс слияния склонений, образование форм именительного падежа без окончания. К новым чертам Скаличка причисляет тип чешского склонения имени *Jiří*: род. падеж *Jiřího*, твор. падеж *Jiřím*, выражение *svatého Jiří* (только с одним окончанием), как в венгерском языке, и вообще отсутствие падежных окончаний в титулах; силлабический синхронизм при перегласовках в польском и чешском языках; наконец, перенесение окончаний из одного склонения в другое; ср. сербо-хорватские окончания *-ma* в дательном, творительном и местном падежах множественного числа и *-om* в творительном падеже женского рода единственного числа. Кроме того, в качестве отличительных черт агглютинирующих языков вообще Скаличка указывает еще на отсутствие синонимии, омонимии и супплетивизма, на наличие многочисленных инфинитивов и причастий, на редкое появление подчиненных предложений, несвободный порядок слов и др.²

Поскольку агглютинирующие языки выражают отдельные грамматические значения суффиксами, присущими только этим значениям, можно было бы считать, что там, где в славянских языках, в основном флексивных, наблюдается подобная тенденция, это является уже элементом агглютинирующего грамматического строя³. В таком случае ближе к агглютинирующему типу будут стоять те из славянских языков, которые создали меньшее количество полиморфных и омонимичных падежных форм, хотя это и не означает еще полного сходства с агглютинирующим типом⁴. Более существенным в этом отношении является очень частое употребление инфинитива и причастных форм (особенно в древнеболгарском языке), а также склонность к безглагольным предложениям и к именной конструкции.

1 См. V. Skalíčka, *Vývoj české deklinace*, Studie typologická, Praha, 1941, стр. 32 и сл., 35 и сл., 40 и др.

2 См. там же, стр. 4.

3 Ср. подобное предположение у В. Дорожевского (W. Doroszewski, Podstawy gramatyki polskiej, część I, Warszawa, 1952, стр. 134).

4 При этом русский и словенский языки нужно было бы считать более флексивными, чем остальные славянские языки, потому что они уподобили формы звательного и именительного падежей единственного числа. Но самая утрата какой-нибудь падежной формы уже является признаком аналитизма (изоляции). Следовательно, условность подобных единичных сопоставлений очевидна.

ции, заменившей собой предложения со вспомогательным глаголом *быть* в настоящем времени (ср. русск. *он мастер* и т. п.). На основании указанной особенности, свойственной восточнославянским языкам, можно вывести уже более серьезные заключения относительно тенденций грамматического развития этой преобладающей части славянской языковой семьи. Тенденция к пропуску вспомогательного глагола в 3-ем лице единственного числа прошедшего сложного времени наблюдается не только в болгарском языке, но также и в сербо-хорватском, особенно у возвратных глаголов и при наличии нескольких глаголов в одном предложении; ср. *био један човек* (вместо *био је један човек*), *родио се* (вместо *родио се је*) и т. п.

Чешский языковед К. Горалек, обращая внимание на эти черты специально в русском языке¹, считает, что русский язык ближе к типу агглютинирующих языков, с которыми он имеет и более непосредственный географический контакт, чем чешский. Соответствующие признаки Горалек видит и в ослаблении согласования (конгруэнции) между главными членами предложения, хотя и в чешском языке наблюдается несогласованность в таких сочетаниях, как *bratovo dám* и т. п.²

Проявление агглютинации замечается и в склонении иноязычных слов, обычно более новых, из категории неосвоенных (нем. *Fremdwörter*), особенно же в склонении иностранных личных имен в отдельных славянских языках; ср., например, сербо-хорв. род. падеж *Ruso-a*, дат. *Ruso-y*, твор. *Ruso-om*; род. *Гете-a*, дат. *Гете-u* и т. д.

Интересным остается вопрос о том, как рассматривать древнеболгарские формы типа *чесого*, *чесомоу* и т. п.: считать ли, что в них налицо обычная аналогия, действовавшая после того, как фузия стала причиной так называемой перинтеграции, т. е. расширения основы, имевшей окончание *-so*, или что здесь проявляется стремление, подобное тому, которое свойственно агглютинирующим языкам, и заключающееся в свободном прибавлении нового окончания к форме, имевшей уже свое окончание. Такие явления наблюдаются на славянской почве и в различных других случаях (ср. словенские формы *dneva*, *dnevu*, *dnevom*, *dnevi*, *dnevov* и т. д.).

Свободное согласование имен числительных друг с другом или с другими словами в единственном числе в некоторых славянских языках также свидетельствует о стремлении как к агглютинации, так и к изоляции. Но эти явления носят уже синтаксический характер (см. ниже).

Приставки и суффиксы в славянских языках обычно сохраняют свои границы в пределах слова, напоминая агглютинирующий тип, хотя в сербо-хорватском и отчасти в чешском и словацком языках наблюдается склонность к стиранию префиксальной границы, особенно в случаях геминации³. Для болгарского языка типично частое нагромождение глагольных приставок, усиливающее впечатление об этой словоизменительной агглютинации.

Некоторые исследователи считают существенным признаком агглютинации в болгарском языке способ образования степеней сравнения прилагательных и наречий при помощи частиц *по-* и *най-*. Подобная черта в той или иной степени свойственна и остальным славянским языкам. Специ-

¹ См. K. Ногáлек, *K charakteristice ruštiny*, «Kniha o překládání», Praha, 1953, стр. 154. Примеров автор не приводит.

² Ср. V. Skálička, указ. соч., стр. 4.

³ Ср. мою работу «Фонологичната стойност на удължените и удвоени съгласни звукове в славянските езици» («Годишник на Софийския ун-т», Ист.-филол. фак-т, кн. XXXVI. 4, 1940).

Физической особенностью болгарского языка оказывается здесь употребление в разговорной речи частицы *по-* и с другими частями речи;ср. *той е по-майстор от тебе, ти по-играеш от него*. Еще более характерным для болгарского языка является прием словообразовательной агглютинации при образовании относительных местоимений и наречий от соответствующих вопросительных местоимений при помощи суффикса *-то*;ср. *които, когато, защото* и др.¹

В более широком, свободном смысле признаки агглютинирующего морфологического строя можно было бы усмотреть и в формах именительного падежа двойственного числа 1-го и 2-го лица личного местоимения в словенском языке, которые образованы путем «приклеивания» имени числительного *dva* к местоимению: *midva, vidva < mi + dva* и т. д.

Безусловно прав Б. Гавранек, указывающий среди задач славянского сравнительного языкоznания на необходимость исследования отношений между агглютинирующими и флексивными элементами в склонении². Однако не менее типичные для агглютинации структурные приемы наблюдаются и в спряжении различных славянских языков. Здесь прежде всего надо указать на польский язык. Ср. образование форм прошедшего времени и условного наклонения, а также формы настоящего времени вспомогательного глагола *być* «быть» и некоторые другие глагольные формы типа *winienem, powinienem*, образованные от имен прилагательных.

В формах прошедшего времени в польском языке обнаруживается четкая граница между окончаниями и глагольной основой. Окончания здесь «приклеены» к основе, как в агглютинирующих языках. На это указывает ударение во множественном числе, еще не ставшее *penultima*, так как формы еще не срослись, не представляют окончательно одну лексическую единицу (ср., например, *pracowałem, pracowałam, pracowałeś, pracowałas, pracowaliśmy* и т. п.). На это же указывает и тот факт, что личные окончания могут свободно отрываться от глагольной формы и присоединяться к другой части речи, предшествующей глаголу (ср. *I takeśmy pracowały do rana, myśmy to zrobili* и т. п.).

Тем же качеством обладают и польские формы условного наклонения: *pisaćbym, pisaćbys, pisaćbyśmy* и т. д. В них подвижная часть присоединяется к форме причастия прошедшего времени. Возможности прибавления второй составной части слова к другим словам предложения здесь более ограничены, но все же существуют (ср. предложения: *przypuszczam, zebym tągi zrobić* и *dobrze by się zdarzyło*). Отчетливая структура этих форм, образованных в относительно недавнее время, удостоверяется опять-таки ударением, которое еще не царит ионично.

Агглютинирующая структура наблюдается и у некоторых форм вспомогательного глагола *być* (ср., например, *jestem < jeść* через 3-е лицо *jest + em*), а также у различных форм тех глаголов, которые образованы от имен прилагательных и имеют, как и причастия прошедшего времени, родовые отличия, например: *winienem, -eś, winien, winniśmy, -scie, winni, winienbym, -bys, winienby* и т. д.³

В русском языке такие формы, как *идёмте, бежимте*, соответствующие болг. *да идемте* и т. п. в диалектном и просторечном употреблении, являются типичными образованиями агглютинирующих языков. В университете курсе морфологии современного русского языка к этой

¹ Ср. наблюдения Ю. С. Маслова в статье «О морфологических средствах современного болгарского языка» («Ученые записки ЛГУ», № 156, 1952, стр. 172, 173).

² См. B. Havránek, «Slavia», ročn. XVIII, seč. 3-4 (1947-1948), стр. 267.

³ См. J. Tokarski, *Czasowniki polskie*, Warszawa, 1951, стр. 54-60.

категории причисляются и формы 2-го лица множественного числа повелительного наклонения, как, например, *несите, лягте*, образованные от форм единственного числа *неси, ляг* и т. п.¹ А. А. Реформатский в качестве примера агглютинации в русском языке приводит также формы с возвратным суффиксом *-ся* и побудительной частицей *-ка*, например *двигаяющихся, пошла-ка ты вон, движеньтесь-ка* и т. п., причем замечает: «но для строя русской грамматики это не типично»².

В болгарском просторечии наблюдаются случаи соединения наречия, употребленного в функции глагола, с глагольными окончаниями, например *да такови-ме, той е такова-л*. Правда, это явление вызвано контаминацией наречия с глаголом, особенно в речи прерывистой и недостаточно организованной, но по результату оно представляет агглютинирующую глагольную форму. Точно так же контаминация модальной побудительной частицы *хайде*, например, с глагольной формой *тръгвайте* дает «склеенную» по типу агглютинирующих языков форму *хайдете*, имеющую параллель в сербо-хорват. *айдемо* и т. п.³ Ср. также болг. *елате* (2-е лицо мн. числа) < н.-греч. *έλα* (2-е лицо ед. числа).

Сербо-хорватские формы будущего времени типа *навикнућемо, веселићемо* и т. п. и такие формы украинского потенциального будущего времени, как *писатиму*, соответствуют той же тенденции, а чередование сербо-хорватских форм будущего времени (*писаћу — ти ћеш бити писао* и под.) напоминает отношения, вскрытые при рассмотрении польского прошедшего времени и условного наклонения⁴.

Наконец, типичный для болгарского и македонского языков способ присоединения постпозитивной членной формы, имеющей, особенно в женском и среднем роде единственного числа и всех трех родах множественного числа, очень отчетливые формы (*-та, -то; -те, -та*), можно было бы истолковывать не только как признак аналитичности, но и как структурную особенность, напоминающую агглютинацию⁵.

О проявлении аналитичности, характерной для изолирующего языкового типа, кроме множества фактов болгарского и македонского языков (отсутствие склонения и инфинитива, наличие членной формы и др.), свидетельствует и ряд черт, присущих другим славянским языкам⁶. Так, на основании анализа данных русского языка В. В. Виноградов приходит к выводу, что и русский язык не является по своему строю чисто синтетическим⁷. Аналогичные указания можно найти также в работах Бодуэна де

¹ См. «Современный русский язык. Морфология. (Курс лекций)», под ред. В. В. Виноградова, [М.], 1952, стр. 287.

² А. А. Реформатский, *Введение в языкознание*, М., 1947, стр. 91.

³ Ср. А. Теодоров-Балаш, *Нова българска граматика*, София, 1940, стр. 204, 378.

⁴ В сербо-хорватском языке значительную роль играют так называемые приставные гласные и частицы, прибавляемые по эволюционным причинам как к именам, так и к глаголам (ср., например, *твор. падеж от добар — добром и доброме; стаде* вместо *ста, хтедох* вместо *хтег* в прошедшем времени, *имадбудем* паряду с *будем имао* в будущем времени и др.). Все эти случаи напоминают агглютинацию. О приставных гласных в славянских языках см. В. Навратек, *Přísvuné vokály (flickvokale) v slovanských jazycích*, «MNHMA. Sborník na pamět čtyřicítileté učitelské činnosti prof. Josefa Zubatého», Praha, 1926.

⁵ Ю. С. Маслов рассматривает членную форму в современном болгарском языке как подвижную флексию, а не как подлинную агглютинацию или аналитическое средство, хотя и признает, что в историческом плане развитие членной формы — признак аналитичности (см. указ. соч., стр. 159, 179, 180, 191 и сл.).

⁶ Ср. новую попытку объяснения этих черт в упомянутых языках у В. Леттенбауэра (W. Lettenbaumer, *Synthetische und analytische Flexion in den slavischen Sprachen*, «Münchener Beiträge zur Slavenkunde», 1953).

⁷ См. В. В. Виноградов, *Русский язык*, М.—Л., 1947, стр. 37 и 167.

Куртена, Богоодицкого и Крушинского. Здесь нужно вспомнить прежде всего развитие местного падежа по направлению к аналитизму еще в древнеболгарском, а вслед за этим и в остальных славянских языках. Этот падеж все больше заслуживает названия «предложный», потому что употребление его без предлога уже редкость. Кроме того, и употребление других падежей все больше сливается с предлогами, а употребление некоторых даже с двумя или тремя. Так, например, в словакском языке замечается все более частое употребление творительного падежа с предлогом *s*, *so*¹.

В области имен числительных в южнославянских языках обнаруживается утрата падежных форм [в сербо-хорватском — у числительных от 5 до 10, в словенском — *dve sto* (200), *tri sto* (300), *pet sto* (500)].

Более типичным случаем аналитизма является один из способов образования сравнительной и превосходной степени в русском языке; ср. более сильный, самый полезный и др. Подобные формы возможны и в словенском языке: *bolj črn*, *bolj zdraž* и т. п. Для русского языка некоторые исследователи допускают, что выражения типа *таким образом* и т. п. в сравнении с соответствующими французскими свидетельствуют о расширении аналитизма². Аналитический грамматический прием, кроме того, обнаруживается и в области русского спряжения, а именно — в образовании форм сослагательного наклонения; ср. *я пришел бы*, где слово *бы* когда-то было спрягаемым. Параллелью здесь могут служить словацкие формы *nesol by som*, *nesol by si* и т. д., а также подобные образования в лужицком языке³.

Образцом аналитической конструкции в русском языке является прошедшее время, потому что, как известно, здесь личные местоимения замещают собой аффиксы (ср. *я был*, *ты был* и т. д.). Наконец, во всех славянских языках существуют аналитические формы для выражения будущего времени, а иногда и других сложных времен, например времен сослагательного наклонения и др. Некоторые из этих случаев отмечает Л. А. Булаховский⁴.

Развитие модальных частиц и появление все большего количества сложных предлогов и союзов, особенно в некоторых северославянских языках, подкрепляет предположение об усилении аналитической тенденции (ср. польск. *z przed*, *po nad*, *z nad*, *zacz*, *nacz*, *przecz*, чеш. *tentyž*, *tyž*, сербо-хорв. *дедер*, *нудер* и т. д.)⁵.

Целью данной статьи является не исчерпывающий обзор материала, что могло бы быть задачей будущего, а только приведение наиболее характерных примеров. Это относится и к тем фактам славянских языков, которые напоминают типичные черты изолирующего языкового типа: имеется в виду наличие **незаменимых слов** — наречий, деепричастий и служебных слов. От количества и частоты употребления этих частей речи в каждом славянском языке и от тенденций их будущего развития зависит и условное установление роли элементов изолирующего морфологического типа во флексивии — в основном — строе большинства современных славянских языковых систем.

¹ Ср. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология, ч. I, Братислава, 1954, стр. 131.

² Там же, стр. 334.

³ Ср. В. Науга́нек, *Srovnatývací studium gramatické stavby slovanských jazyků*, «Slavia», гоčп. XXII, № 2—3, 1953, стр. 245.

⁴ См. Л. А. Булаховский, Курс русского литературного языка, т. I, 4-е изд., Киев, 1952, стр. 232—233.

⁵ В этом случае аналитическая тенденция перекрещивается формально и с полителизмом, так как в результате получается сложное слово, осложненная структура.

Чертам полисинтезизма можно было бы уподобить — разумеется, очень условно — и процессы, происшедшие в славянских именах числительных от десяти и далее, так же как и склонность к образованию сложных слов, количество которых довольно велико в русском, польском и других славянских языках¹.

Выводы

Наличие элементов другого, нефлективного морфологического типа в структуре славянских языков не следует ни переоценивать, ни игнорировать. Наиболее ощутительно затронуты и даже преображенены влиянием аналитических черт болгарский и македонский языки. Эти два языка преимущественно аналитичны, но имеют при этом остатки флективности и слабые единичные признаки другого морфологического строя, проявляющиеся иногда в просторечии. Остальная часть славянских языков продолжает свой путь развития в качестве языков флективного строя, который был характерен для славянского языка-основы, хотя уже очень рано восточнославянские языки начинают развивать черты агглютинации и изоляции, а некоторые другие, как, например, польский, проявляют большую тенденцию к агглютинации, чем к изоляции. Чешский язык, флективный в более значительной степени, позднее всего обнаруживает (вообще очень слабые в нем) проявления агглютинации и некоторую склонность вследствие фонетических причин к аналитизму в области известных схем склонения. Словенский и лужицкие языки имеют самые незначительные примеси другого, нефлективного грамматического строя.

Как видно, классификация языков с подобной точки зрения очень условна. Но такова вообще всякая иная классификация славянских языков. Наименее условным является то деление, при котором различают преимущественно флективные и преимущественно аналитические славянские языки. Различие между признаками агглютинации в восточнославянских языках, с одной стороны, и в польском, с другой, состоит в том, что в восточнославянских языках имеется большее количество подобных явлений, охватывающих разнородные структурные элементы и носящих обычно бессистемный характер, в то время как в польском языке они сильно типизированы в одной области, а именно — в области спряжения. Значительно противопоставлен агглютинирующим языкам чешский язык благодаря обилию в нем омонимичных форм в склонении. Своеобразие развития этого языка связано главным образом с воздействием фонетических правил на его морфологический вид. По мнению одних исследователей (например, Н. С. Трубецкого², А. Белича³ и др.), это ведет к изоляции (аналитизму), по мнению других, — это признак агглютинации, а согласно мнению третьих⁴, — это характерно для флексивного типа. Все это показывает, насколько условна типологическая характеристика, позволяющая считать чешский язык либо многотипным, либо индифферентным ко всем морфологическим типам, кроме флексивного. При этом можно было бы отметить, что и болгарский язык отчасти сближается с чешским в отношении возможности различной типологической (технически-морфологической) трактовки его типичных черт, например членной формы.

¹ Образование составных числительных В. Виноградов связывает с приемами агглютинации (см. указ. соч., стр. 305—306).

² См. N. Trubetzkoy, *Gedanken über die slowakische Deklination*, «Sborník Matice slovenskej», гоčп. XV, č. 1—2, Turč. Sv. Martin, 1937, стр. 42.

³ См. А. Белић, *О језичкој природи и језичком развитку*, Београд, 1941, стр. 237.

⁴ Ср., например, V. Skalicka, указ. соч., стр. 14.

Соотношение различных типологических черт в строем языка отражает разные эпохи развития. К тому же процессы их развития в общенациональном языке и диалектах не совпадают. Обычно чуждые типологические черты первоначально проявляются в диалектах (ср. развитие соответствующих процессов в болгарском и чешском языках), хотя это положение нельзя обобщить в виде правила. Не свойственные основному типу черты распределяются неравномерно и в разных структурных частях языка. Они играют двойную роль — словообразовательную и словоизменительную. Славянские языки представляют сложную и пеструю в типологическом отношении картину; в них сосуществуют старые и новые черты флексии, агглютинации и изоляции. Восточнославянские языки наиболее чутки к типологическому разнообразию как в именной, так и в глагольной структуре; такой же характер, но в меньшей степени, имеет и сербо-хорватский язык; чешский язык обладает чертами, повторяющимися в разных морфологических типах; система польского языка существенно затронута агглютинацией в области глагольных форм; болгарский и македонский языки обнаруживают аналитизм в структуре имен, но имеют и значительное число черт агглютинации; словенский же и лужицкие языки, а в некоторой мере также и словацкий язык гораздо последовательнее сохраняют флексивный морфологический строй.

Причины различного соотношения типологических черт в отдельных славянских языках неоднородны. Одни исследователи видят их в действии факторов внешнего характера, таких, как соседство с языками нефлексивного типа, причем считают, что, например, агглютинация представляет собой явление, распространяющееся преимущественно с востока¹. Другие с не менее серьезными основаниями утверждают, что появление черт иного типологического строя в славянских языках носит главным образом самобытный характер, т. е. должно рассматриваться как результат внутренних законов их развития, особенно если учесть, например, распространение агглютинации в таком языке, как польский. К подобному пониманию, видимо, склоняется В. В. Виноградов². Не следовало бы отрицать целиком ни первую, ни вторую возможность. Современное состояние славянских языков является, может быть, результатом сложного одновременного или перекрестного воздействия этих двух факторов.

Морфологическая классификация языков вообще гораздо менее надежна, чем генеалогическая, так как многие из черт, по которым она устанавливается, многотипны. Однако не следует полностью отказываться от этой классификации, несмотря на скептическое отношение к ней, усилившееся в последние времена.

В настоящее время следует считать наименееенным, что развитие от одного типа к другому, а именно — от изолирующего через агглютинирующий к флексивному, не является обязательным, как когда-то предполагали. Об этом свидетельствует ряд тенденций развития, наблюдавшихся в славянской языковой семье, а также в таких, например, языках, как немецкий, где типичной агглютинирующей особенностью является присоединение суффиксов *-keit*, *-lein*, *-schaft* и др., и французский³; черты нового синтетизма обнаруживаются и в болгарском языке.

¹ Ср. К. Horálek, *указ. соч.*

² См. В. В. Виноградов, *указ. соч.*, стр. 37.

³ См. L. Tesnière, *Synthétisme et analytisme*, «Charisteria Gvilelmo Mathesio Qvinquagenario», Prague, 1932. Автор отмечает, что во французском языке наблюдается тенденция к превращению некоторых аналитических (изолирующих) черт в полисинтетические.

Предположение Л. Новака о том, что между флексивными и агглютирующими языками близость большая, чем между изолирующими и полисинтетическими¹, является правильным и находит свое подтверждение в представленном здесь, хотя и скромном по объему, сравнительном материале. Но агглютирующий тип имеет немало черт, общих и с изолирующими типом, поэтому можно было бы считать, что проявления агглютинации в таких флексивных языках, как славянские, представляют не столь значительное изменение, как проявления изолирующего типа.

Этим объясняется, почему финский, венгерский и особенно эстонский языки, преимущественно агглютирующие, отчасти являются также и флексивными. Однако развитие славянских языков обнаруживает своеобразие и в несколько ином направлении: в некоторых из этих языков имеются не только старые признаки изоляции, но и новые факты сближения с этим более далеким по отношению к языкам флексивного строя типом — сближения, которое в болгарском и македонском языках достигает широких и значительных размеров. Поэтому прав А. Белич, когда он при характеристике сходств и различий между морфологическими типами допускает существование переходных (смешанных) типов².

Итак, если болгарский и македонский языки назвать аналитико-синтетическими с примесью другого, главным образом агглютирующего типа, то остальные славянские языки должны быть названы синтетико-аналитическими также с примесью другого морфологического типа. При всем этом, несмотря на типологическую пестроту, каждый славянский язык сохраняет свои унаследованные или выработанные с течением времени преобладающие типичные и наиболее характерные черты. В этом отношении существует параллель со всеми остальными классификационными критериями в славянской языковой группе.

То обстоятельство, что в славянскую языковую группу проникают, хотя и в ограниченном и неравномерном количестве, различные, но повторяющиеся из языка в язык типологические черты, еще раз подчеркивает тесное единство славянских языков на протяжении всей их истории.

¹ См. L. Novák, Základná jednotka gramatického systému a jazyková typológia, «Sborník Matice slovenskej», ročn. XIV, č. 1, 1936, str. 9.

² См. А. Белич, указ. соч., стр. 226, 234, 241, 244.